

А. А. Ершова

Не следует ли читать в церкви Евангелие, Деяния и Послания по-русски?

*Подготовка текста к публикации, вступительная статья
и комментарий О. В. Сеницыной*

Сеницына Ольга Владимировна, независимый исследователь (Москва) /
Sinitsyna Olga Vladimirovna, Independent scholar (Moscow)
sinola8@gmail.com

Ершова А. А. Не следует ли читать в церкви Евангелие, Деяния и Послания по-русски? /
Подготовка текста к публикации, вступительная статья и комментарий О. В. Сеницы-
ной // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. Вып. 37. С. 161–174.
DOI: 10.25803/SFI.2021.37.1.009

Публикуемое письмо написано православным педагогом и общественным деятелем Александрой Алексеевной Ершовой (урожд. Штевен, 1865–1933) в 1930 г. в Москве. Автор письма поднимает вопрос о необходимости чтения Евангелия, Деяний и Посланий во время богослужения в церкви на русском языке. В конце XIX в. А. А. Ершова была известна в России как православный педагог, занималась устройением школ грамоты (начальных элементарных крестьянских школ). С 1885 по 1895 гг. в Нижегородской губернии ею было открыто около 50 школ. В дальнейшем, будучи супругой тульского помещика, впоследствии воронежского губернатора М. Д. Ершова, продолжала интересоваться проблемами духовного просвещения и образования, писала публицистические статьи. В число ее корреспондентов входили обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, политические и общественные деятели начала XX в.: князь Д. И. Шаховской, А. И. Гучков, П. Б. Струве, писатели Л. Н. Толстой, В. В. Вересаев, В. Г. Короленко, педагоги и просветители С. А. Рачинский, Н. Н. Неплюев и др. Революцию октября 1917 г. семья Ершовых не приняла и эмигрировала на Украину. В конце 1920-х гг. А. А. Ершова вместе с оставшимися детьми переехала в Москву. Она была знакома со многими московскими священ-

никами, знала церковную ситуацию, хотела быть полезной церкви, о чем свидетельствует публикуемое письмо.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: православное богослужение, переводы богослужения, христианское просвещение, гонения на церковь в XX в., А. А. Ершова.

Публикуемое письмо написано православным педагогом и общественным деятелем Александрой Алексеевной Ершовой (урожд. Штевен, 1865–1933). В конце XIX в. А. А. Ершова занималась устройением школ грамоты (начальных элементарных крестьянских школ) и была широко известна в педагогических кругах России. Характерной чертой педагогической системы А. А. Ершовой была опора на христианские принципы воспитания и образования¹. Христианское мировоззрение Ершовой стало формироваться в 1880-х гг., во время ее учебы в Петербурге в немецкой гимназии св. Анны, под влиянием православного законоучителя священника А. С. Преображенского². В это время она стала часто посещать Спасо-Преображенский собор и, по ее воспоминаниям, нигде кроме церкви «не чувствовала такой отрадной близости к людям, такого равенства и братства между всеми людьми» [Штевен, 114]. В доме родителей православного воспитания она не получила, что было характерно для многих дворянских семей того времени.

В программу своих школ грамоты для крестьянских ребят А. А. Ершова ввела особые уроки — чтение Евангелия. Со старшими учениками они ежедневно прочитывали по одной главе из Евангелия по-славянски, потом ее же читали по-русски и пересказывали, только после этого давалось подробное объяснение прочитанного. Чтение Евангелия в начальной народной школе не было типичным явлением, но в земских школах такая тенденция появлялась³. Практика чтения Евангелия на русском языке, по всей видимости, была личным опытом А. А. Ершовой, которым

1. См. подробнее: [Синицына].

2. Преображенский Александр Симеонович (1826–1900) — петербургский священник. Окончил Санкт-Петербургские духовную семинарию (1849) и академию (1853). С 1853 г. учитель закона Божьего, латинского и греческого языков Александро-Невского духовного училища. С 1857 г. — священник церкви ап. Павла при

Мариинской больнице, с 17 мая 1879 г. — священник церкви Симеона и Анны. С 10 мая 1895 г. — протоиерей. С 1865 г. — законоучитель немецкого училища св. Анны. Похоронен на Волковом кладбище.

3. Так, например, в июле 1880 г. на учительском съезде, проходившем под руководством барона Н. А. Корфа и собравшем 250 учителей и учи-

она делилась со своими учениками. Сама она регулярно читала книги Нового завета и не расставалась с Писанием даже в Харьковском концлагере в 1920 г.

В 1918 г., не приняв революцию и советскую власть, семья Ершовых эмигрировала на Украину в Полтаву. В июне 1920 г. при переходе через линию фронта в поисках старших сыновей А.А. Ершова была заключена в Харьковский концлагерь. Находясь в концлагере, наблюдая одичание людей, их варварство, потерю всех нравственных принципов, Ершова осознала, что единственный путь к возрождению русского народа — это проповедь христианской веры. Она писала:

При виде всего, что творится вокруг, я в одном снова и снова убеждаюсь — что одно есть несомненное, нужное, правое дело — это новая проповедь веры христианской. Это одно может излечить хотя бы часть людей от заразившей всех душевной гангрены [Ершова 2017, 67].

В феврале 1921 г. Александра Алексеевна была освобождена⁴. В конце 1920-х гг., пережив ряд личных трагедий, она вместе с оставшимися детьми переехала в Москву, где вела достаточно активную церковную жизнь: она была знакома со многими московскими священниками, хорошо знала церковную ситуацию, пыталась быть полезной в ситуации гонений на церковь и массового расцерковления людей.

Ершова видела, что «громадное» [Ершова 1928, 2]⁵ множество людей теряло веру, и церковь не в силах была предотвратить не только отпадение людей, но даже помочь тем, кто был еще в церковной ограде. Она писала: «Церковь наша как бы скрывается в подземелье, в тесном убежище, в безмолвии» [Ершова 1928, 7].

При этом она считала, что причины не только в гонениях, что есть и другая причина, «есть какой-то (может быть очень существенный) недостаток, какое-то несовершенство не в учении церкви, а в ее организации, в ее обычаях, в ее издавна установившихся, видимо обветшавших житейских правилах» [Ершова 1928, 3]. Ершова считала, что в будущем нужны существенные

тельниц из семи южных губерний России, было принято единогласное постановление «усилить чтение Евангелия с учителем в школе» в форме дополнительных уроков (см.: [Корф, 344; Песковский, 86]).

4. См. об этом: [Ершова 2017, 121–124].

5. Рукопись статьи А. А. Ершовой «Для трезвенников» пока не имеет архивного шифра. Здесь и далее нумерация страниц авторская. — Прим. ред.

перемены в жизни православной церкви, иначе «свет веры Христовой недостаточно ярко светит и недостаточно действует на все множество людей» [Ершова 1928, 6].

Безусловно, Александра Алексеевна понимала, что в настоящий момент осуществить ее предложения о православном богослужении не представляется возможным, но считала, что даже в трудных для жизни церкви условиях нужно думать о ее будущем и готовиться к возможным переменам. При этом она придавала большое значение служению мирян, и сама привыкла проявлять в вопросах веры и церковной жизни инициативу.

В публикуемом письме она очень осторожно призывает время от времени пересматривать «формы и выражения» церковного богослужения, чтобы оно сохраняло «живую связь» с жизнью верующих людей и имело необходимое воздействие на их души.

А. А. Ершова любила православное богослужение. Для нее церковь — это «единственное место, где радуешься на людей, на множество их, на выражение лиц их, — и любишь их, и снова любишь Россию, снова веришь в нее» [Дневник. Т. 25, 26 января 1930, 119]⁶. В 1930-е гг. она почти каждый день ходила в церковь, где всегда утешалась молитвой и верой [Дневник. Т. 25, 15 апреля 1930, 181]. При этом в своих дневниках Ершова часто выражала недовольство службой или сожаление о том, как проходило богослужение:

Но как ни хорошо слушали и молились люди, когда священник до обедни у Василия Кесарийского читал Евангелие, — их ведь было бы тут в 10 раз больше, если б Евангелие читали по-русски! И как им хорошо то, что делается, все же до смерти мне жаль, что не делается того, что *еще* и кроме того нужно, непременно нужно делать! Неужели так и не увижу я того большего, нового делания? Увы, мало кто даже и хочет этого. Все удовлетворяются тем, что есть. А этого ведь мало, мало... [Дневник. Т. 25, 15 апреля 1930, 182].

В православных храмах А. А. Ершова «с грустью» наблюдала, «как соковища учения и молитвы церковной остаются под спудом, как золото в сундуках скупого рыцаря» [Дневник. Т. 22, 22 октября 1928, 158], потому что за богослужением «не только Апо-

6. Рукописи дневников А. А. Ершовой пока не имеют архивного шифра. Здесь и далее нумерация страниц авторская. — Прим. ред.

стола, но и Евангелие читали так, что ничего нельзя было понять» [Дневник. Т. 22, 22 октября 1928, 158].

В круг церковного общения А. А. Ершовой, о котором она упоминает в своем дневнике 1930 г., входили священники Михаил Шик⁷ и Павел Успенский⁸, В. М. Фортунатова⁹, священник Петр Глаголев¹⁰, настоятель Покровской церкви села Покровское Тульской области и его прихожане, ссыльный священник Николай Чекалин¹¹.

После пасхальных дней 1930 г. А. А. Ершова записала в дневнике, что «следует без сомнения *поставить некоторые вопросы* о частичном, осторожном видоизменении нашего богослужения» [Дневник. Т. 25, 22 апреля 1930, 184]. Через неделю она написала письмо с предложением чтения Евангелия, Посланий (и Паремий) в церкви по-русски и решила показать его некоторым священникам с надеждой получить их отзывы [Дневник. Т. 25, 24 апреля 1930, 185]. В дневнике Ершова упоминает священников церкви Василия Кессарийского¹² — о Константина¹³ и о Павла Успенского, которым она показала письмо. От о. Константина она «ничего не услышала утешительного» [Дневник. Т. 25, 2 мая 1930, 188]. Он сказал ей, «что он против каких бы то ни было новшеств, — и получилось впечатление, что положение безнадежное...» [Дневник. Т. 25, 2 мая 1930, 189]. Упоминание отзыва священника Павла Успенского о ее письме в дневнике не найдено. Монах¹⁴ из церкви св. Сергия¹⁵ сказал, «что он читает в церкви, что ему прикажут, а больше ничего не вправе сделать» [Дневник. Т. 25, 2 мая 1930, 189].

Александра Алексеевна также рассказала о своем письме детям и близким друзьям: «О. Петр (Глаголев. — О. С.) более со мной

7. Шик Михаил Владимирович (1887–1937) — священник; 25 февраля 1937 г. был арестован по «делу» епископа Арсения (Жадановского). 27 сентября 1937 г. был расстрелян и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

8. Успенский Павел Васильевич (1873–?) — священник. В 1928 г. служил в церкви св. Георгия Победоносца в Грузинах в Москве, с 1929 г. после закрытия Георгиевской церкви служил в храме свт. Василия Кесарийского [Голубцов, 4].

9. Фортунатова В. М. (1883–1981) — врач, была замужем за К. А. Фортунатовым, сыном профессора Петровско-Разумовской (теперь Тимирязевской) сельскохозяйственной Академии А. Ф. Фортунатова. Прихожанка прихода Соломенной сторожки, член христианского кружка.

10. Глаголев Петр Павлович (1883–?) — священник. С 1915 г. — настоятель Покровской церкви села Покровское-Луговка. 20 марта 1932 г. о. Петр был арестован, вместе с ним были арестованы еще пять человек [Дьячков].

11. Чекалин Николай Мефодьевич (1896–?) — священник. Служил в с. Осинный Куст Тульской губернии. Весной 1928 г. отправлен в ссылку в Туринск. В 1930-х гг. переведен в ссылку в Орел.

12. Церковь Василия Кесарийского — несохранившаяся приходская церковь в Тверской-Ямской слободе Москвы. Один из крупнейших храмов до-революционной Москвы.

13. Неустановленное лицо.

14. Неустановленное лицо.

15. Можно предположить, что это храм прп. Сергия Радонежского в Крапивниках.

согласен, чем другие, и отчасти согласен наш Петя¹⁶, а Маня¹⁷ — против, и Ия Сергеевна¹⁸ тем более» [*Дневник. Т. 25, 2 мая 1930, 189*]. Священник Михаил Шик, по всей видимости, также ее не поддержал, она упоминала в дневнике, что у них были разные взгляды на жизнь церкви [*Дневник. Т. 25, 18 апреля 1930, 182*].

Можно предположить, что А. А. Ершова не нашла никого, кто мог бы поддержать ее предложения и размышления действительно. Не известен точный круг священников, которым она показала свое письмо; до нас не дошли их подробные отзывы; не удалось выяснить, была ли это единственная попытка или были другие. Единственное упоминание в дневнике о тульском свящ. Петре Глаголеве, который был более, чем другие, солидарен с ней. В своем дневнике она записала:

И вновь приходится убеждаться, что все мои поползновения напрасны, а все требования ошибочны, и правы все, кто держится иного мнения: Ия Сергеевна, Маня, о. Михаил Ш<ик>. Неправы те, кто думает, что ничего иного не может быть и не нужно. Я ведь знаю, и все должны бы знать, что бывает и было и всегда крайне нужно иное. Но оно часто невозможно, не суждено нам, и тогда нечего к нему порываться, а надо обратить все внимание и все силы на то внутреннее строительство, которое возможно и нужно всегда и везде... [*Дневник. Т. 25, 8 мая 1930, 191*].

А. А. Ершова не первый раз останавливала себя: «Все больше нужен „отказ от борьбы“». Никакие мои даже и очень скромные начинания ни к чему не приводят» [*Дневник. Т. 25, 8 мая 1930, 200*]. Но через несколько месяцев в ее дневнике появлялась иная запись: «Не хочу ничего бояться! Все в воле Божией. Но как нам ее исполнить? Как подняться до нее, до той высоты, которая по временам так явственно открывается душе нашей» [*Дневник. Т. 25, 20 августа 1930, 261*].

Вопрос о возможном изменении языка богослужения для просвещения русского народа, поставленный в письме А. А. Ершовой, является уникальным свидетельством церковной жизни мирян в советское время.

16. Ершов Петр Михайлович (1910–1994) — младший сын А. А. Ершовой; в будущем актер, режиссер, теоретик театра, психолог, кандидат искусствоведения.

17. Левицкая Мария Михайловна (1898–1990) — старшая дочь А. А. Ершовой; в будущем библиотекарь Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина.

18. Бырдина Ия Сергеевна (1876–?) — друг семьи.

Документ представляет собой рукописный текст, написанный синими чернилами на четырех отдельных листах в линейку формата 21,0 на 29,5 см. Письмо без названия. Адрес в конце письма написан карандашом. Письмо хранилось в неподписанном конверте в начале тетради в твердой обложке под № 1. Название тетради «Мои мысли о вере», датировано 1929–1931 гг. Хранится в архиве КПЦ «Преображение» в фонде А. А. Ершовой.

Текст приводится в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Подчеркивания передаются при помощи курсива.

Без названия

Никакие общие практические мероприятия в жизни нашей церкви в настоящее время, разумеется, не осуществимы. Невозможно, конечно, и гласное обсуждение каких-либо касающихся церкви вопросов. Но всегда, и теперь в особенности, нужно и полезно обсуждение и решение этих вопросов авторитетными лицами в отдельности [1], с тем, чтобы в надлежащее время их мнения и решения могли быть обнародованы, согласованы и осуществлены на деле.

При всей несравненной красоте и богатом содержании, при глубокой обдуманности всех форм и выражений нашего церковного богослужения, следует, казалось бы, через известные промежутки времени, вновь со вниманием пересматривать все его подробности, чтобы оно при изменившихся обстоятельствах все же сохраняло живую связь с жизнью верующих и неотразимо могучее свое воздействие на души человеческие.

Не одни пастыри церкви, но и миряне, казалось бы, обязаны по временам ставить себе те или иные, относящиеся к порядку богослужения вопросы, и ожидать, и требовать решения их от более, чем они, сведущих в данной области лиц.

Так, ничего не предвешая, следует, как будто, прежде всего поставить себе вопрос, как вернее достичь возможно лучшего ознакомления верующих с содержанием церковных чтений из Евангелия и Посланий?

Если это и делается отчасти путем проповеди и путем изучения некоторыми славянского текста, можно ли считать это достаточным?

Можно ли забывать о тех сотнях и тысячах людей, которые может быть много и усердно молятся в церкви, но лишь смутно и часто неверно понимают смысл Евангельских и Апостольских чтений, — и еще о тех, которые приходят в церковь изредка, и поражены и тронуты бывают красотой церковного богослужения, но почти ничего не могут усвоить себе из всего того, что в храме поется и читается?

Многие молитвы и песнопения так прекрасно выражают религиозные чувства и настроения и так сильно поэтому трогают душу, что точное понимание отдельных слов и выражений можно считать даже и излишним.

Но слова Евангелия и Посланий без сомнения должны быть *поняты*. Они должны врезаться в душу огненными чертами и жить, и действовать в ней, как семя, упавшее на добрую землю, в притче о сеятеле.

Неужели нельзя достичь того, чтобы православные люди знали Евангелие и послания Апостолов так, как знают их сектанты [2], — и, прежде всего, те отрывки, которые читаются в церкви во время богослужения и служат главным основанием всего церковного учения?

Не следует ли читать в церкви Евангелие, Деяния и Послания *по-русски*? Или сперва по-славянски, но затем и по-русски [3]?

Чтение Евангелия по-русски за пасхальной обедней [4] всегда производит особое впечатление на малосведущих слушателей.

Не следует ли прочитывать Евангелие по-русски за каждой обедней и каждой всенощной, и если не во время богослужения, то в определенное время до или после него?

Конечно, вся глубина религиозных истин может остаться недоступной пониманию малоподготовленных слушателей даже и при чтении на русском языке, но все же при чтении по-русски содержание читаемого, без сомнения, лучше будет понято и лучше будет запоминаться, чем при чтении по-славянски.

Если и допустить возможность ошибочного понимания и жетолкований [5], не гораздо ли опаснее то полное невежество, которое дает почву для самых неверных представлений и пагубных лжеучений?

Не следует ли *теперь в особенности* вооружить верующих такими познаниями, которые помогли бы им защитить свои верования от обычных пустых нареканий [6] и утвердить их на камне исповедания Христова?

Если уж и теперь, при чтении Евангелия по-славянски на Страстной неделе перед обедней, сотни и тысячи слушают это чтение с благоговением, даже далеко не все понимая, — можно сказать с уверенностью, что число слушателей увеличилось бы во много раз, если бы то же Евангелие читалось на вполне понятном для них русском языке.

Если считать желательным чтение по-русски Евангелия, более всем знакомого и более понятного даже и в славянском изложении, — это, казалось бы, еще более необходимо относительно «Посланий», гораздо менее известных и менее понятных в славянском изложении.

При умелом, внятном чтении [7], славянский текст становится, конечно, более понятным, чем при чтении небрежном и невнятном.

Но не следует ли сделать слова Священного Писания возможно более понятными даже и при обычном, часто спешном и малоискусном чтении?

Детей уже не учат закону Божию. Книг религиозного содержания почти не видно. Где же и как может человек что-либо узнать о вере Христовой, если не в церкви и не из обычных церковных чтений?

Москва, 30/IV 1930.

Адр<ес>: Москва 15, Вятская ул. 31, А. А. Ершовой

Источник: Ершова А. А. Письмо, 1930 г. Рукопись // Архив КПЦ «Преображение». Фонд А. А. Ершовой

Комментарий

1. Открытые дискуссии об использовании русского языка в богослужении начались в 1905 г. и продолжились до Поместного собора 1917–1918 гг. На Соборе вопрос о языке богослужения обсуждался на заседании богослужебного отдела и частичное применение общерусского языка в богослужении, в том числе чтение слова Божьего по-русски «для достижения более вразумительного понимания», было принято соборным отделом, но окончательного решения Собор принять не успел. Вопрос о языке богослужения по-прежнему оставался предметом церковной дискуссии, в 1920-х гг. такой площадкой стала Петроградская епархия. При этом отдельные случаи использования русского языка в богослужении имели место в Петрограде по благословению митр. Вениамина (Казанского) и в Москве по благословению свт. Тихона Московского (см.: [Балашов, 117–166]).

С начала обновленческого движения проблемы литургического языка начинают восприниматься как опознавательные знаки оппозиционных патриаршей церкви группировок, которые для идеологического оправдания собственной деятельности использовали идеи и лозунги, выработанные в ходе церковной дискуссии начала века. Сегодня можно считать доказанным, что органы обновленческого церковного управления не вводили богослужения на русском языке и не проводили общеобязательных литургических реформ. При этом в 1931 г. митр. Сергей (Страгородский), приняв покаяние в обновленчестве свящ. Василия Адаменко, принадлежность которого к обновленчеству была формальной, благословил его совершать богослужение на русском языке в Ильинском храме Нижнего Новгорода (см.: [Кравецкий, Плетнева, 215–223]).

2. В Российской империи термин «секта» использовали не только по отношению к религиозным движениям радикального характера: христовщина, скопчество, — но и к так называемому народному протестантизму: духоборам, молоканам, субботникам. В том числе этот термин применялся к евангелическо-протестантским собраниям: штундисты, баптисты, пашковцы, московские трезвенники, считавшиеся оппозиционными православной церкви. Александра Алексеевна общалась с представителями этих собраний, видела их сердечную веру и хорошее знание Писания [*Дневник*. Т. 22].

3. Решение о чтении Евангелия на двух языках, славянском и русском, по желанию прихода, было одобрено церковной властью. За церковнославянским языком сохранялся статус основного богослужебного языка, однако допускалось совершение богослужения на русском и украинском языках (см.: [*Балашов*, 153–156]).

4. Русский литургист Алексей Афанасьевич Дмитриевский, профессор по кафедре церковной археологии и литургики в Киевской духовной академии, считал, что чтение Евангелия в первый день Пасхи на разных языках появилось у нас под влиянием практики восточных церквей и было перенесено к нам негласно, без занесения этих обычаев на страницы нашего действующего Типикона (см.: [*Дмитриевский*, 355]).

5. По всей видимости, речь идет о каких-то частных мнениях, так как ни в предсоборных дискуссиях, ни в работе отдела собора такие опасения не высказывались. Несмотря на предсоборные дискуссии об использовании русского языка в богослужении, практика частичной русификации богослужебных текстов, чтения Писания на русском языке была достаточно широко распространена в последние годы перед революцией (см.: [*Балашов*, 32–119]).

6. В начале 1920-х гг. советская власть начала активно проводить пропагандистские антирелигиозные мероприятия, в которые вовлекались широкие круги молодежи: безбожные шествия, антирелигиозные диспуты, лекции. Происходила резкая потеря людьми нравственности (см.: [*Шкаровский*, 100]).

7. О правильной постановке церковного чтения и других насущных вопросах жизни церкви было сказано в докладе Ф. Д. Самарина на первом общем собрании Братства святителей московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа в декабре 1909 г. (см.: [История братств, 116]). Ершова Александра Алексеевна вошла в состав пожизненных членов Братства святителей московских в 1915 г. (см.: Отчет Совета Братства святителей московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа о деятельности Братства за 1915-й год. Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1916. С. 15).

Источники

1. *Дневник. Т. 22* = Дневник А. А. Ершовой серия III. Т. 22 (18 мая 1928 — 22 февраля 1929 гг.) // Архив КПЦ «Преображение». Фонд А. А. Ершовой. 228 с.
2. *Дневник. Т. 25* = Дневник А. А. Ершовой серия III. Т. 25 (11 сентября 1929 — 10 сентября 1930 гг.) // Архив КПЦ «Преображение». Фонд А. А. Ершовой. 268 с.
3. *Ершова 1928* = Ершова А. А. Для трезвенников. Москва, 1928. Рукопись // Архив КПЦ «Преображение». Фонд А. А. Ершовой. 19 с.
4. *Ершова 2017* = Ершова А. А. В тюрьме в 1920 году : Воспоминания. Москва : Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2017. 136 с.
5. *Штевен* = Штевен А. А. (Ершова). Литературно-мемуарная проза. Арзамас; Саров : Арзамасский гос. пед. институт им. А. П. Гайдара, 2008. 430 с.

Литература

1. *Балашов* = Балашов Николай, прот. На пути к литургическому возрождению. Москва : Духовная библиотека, 2001. 507, [1] с.
2. *Дьячков* = Герасим (Дьячков), игумен. Покровская церковь в селе Покровское-Луговка // Время и люди. 2012. № 7. С. 4; № 8. С. 4.
3. *Голубцов* = Голубцов Сергей, прот. Церковная Московия в 1935–1965 годах // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 4–71.
4. *Дмитриевский* = Дмитриевский А. А. Чтение Евангелия в первый день Пасхи на разных языках // Руководство для сельских пастырей. 1885. № 13. С. 355–368.
5. *История братств* = История церковных братств в России : Сборник документов : Хрестоматия по истории русской православной церкви. Москва : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018. 232 с.

6. *Корф* = Корф Н. А. Наши педагогические вопросы. Москва : «Сотрудник школ» А. К. Залесской, 1882. 409 с.
7. *Кравецкий, Плетнева* = Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX вв.). Москва : Языки славянских культур, 2001. 398 с.
8. *Песковский* = Песковский М. Л. Барон Н. А. Корф, его жизнь и общественная деятельность : Биографический очерк. Санкт-Петербург : Тип. П. П. Сойкина, 1893. 95 с.
9. *Синицына* = Синицына О. В. История и православно-христианские основания педагогической деятельности А. А. Штевен-Ершовой (1885–1895 годы) // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2016. Вып. 17. С. 9–24.
10. *Шкаровский* = Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. Москва : Вече : Лепта, 2010. 478, [1] с.

A. A. Ershova

Should We not Read the Gospel, the Book of Acts, and Epistles in Russian in the Church?

Preparation of the text for publication, introductory article and commentary by O. V. Sinitsyna

The published letter was written by Alexandra Alexeevna Ershova (nee Shteven, 1865–1933), an Orthodox educator and social activist, in Moscow in 1930. The author of the letter raises the question of the need for the Gospel, Acts and Epistles to be read in Russian during the divine service in the church. At the end of the nineteenth century, A. A. Ershova was known in Russia as an orthodox educator, engaged in the establishment of literacy schools (primary elementary peasant schools). Between 1885 and 1895 she opened about 50 schools in Nizhny Novgorod province. Then, as the wife of a landowner from Tula, later Voronezh Governor M. D. Ershov, she continued to be interested in problems of spiritual enlightenment and education, and wrote journalistic articles. Her correspondents included Chief Procurator of the Synod K. P. Pobedonostsev, political and public figures of the early twentieth century: prince D. I. Shakhovskoy, A. I. Guchkov, P. B. Struve, writers Leo Tolstoy, V. V. Veresaev, V. G. Korolenko, educators and enlighteners S. A. Rachinsky, N. N. Neplyuev, and others. The Yershov family did not accept the October revolution of 1917 and emigrated to Ukraine. In the late 1920s A. A. Yershova, along with her remaining children, moved to Moscow. She was acquainted with

many Moscow priests, knew the church situation and wanted to be useful to the church, as the published letter attests.

KEYWORDS: Orthodox Divine Service, translation of the Divine Service, Christian enlightenment, persecution of the Church in the twentieth century, A. A. Ershova.

References

SOURCES

1. Dnevnik A. A. Ershovoi serii III. T. 22 (18 maia 1928 — 22 fevralia 1929 gg.). *Arkhiv KPTs "Preobrazhenie"* [Archive of Cultural and Educational Center "Transfiguration"], coll. of A. A. Ershova (in Russian).
2. Dnevnik A. A. Ershovoi serii III. T. 25 (11 sentiabria 1929 — 10 sentiabria 1930 gg.). *Arkhiv KPTs "Preobrazhenie"*. [Archive of Cultural and Educational Center "Transfiguration"], coll. of A. A. Ershova (in Russian).
3. Ershova A. A. *Dlia trezvennikov*. Moskva, 1928. Rukopis'. *Arkhiv KPTs "Preobrazhenie"* [Archive of Cultural and Educational Center "Transfiguration"], coll. of A. A. Ershova (in Russian).
4. Ershova A. A. (2017). *V tiur'me v 1920 godu: Vospominaniia* [In Prison in 1920: Memories]. Moscow : Kul'turno-prosvetitel'skii fond "Preobrazhenie" (in Russian).
5. Shteven A. A. (Ershova) (2008). *Literaturno-memuarnaia proza* [Literary and memoir prose]. Arzamas; Sarov : A. Gaidar Arzamas State Pedagogical Institute.

LITERATURE

1. Balashov Nikolay, archpriest (2001). *Na puti k liturgicheskomu vozrozhdeniiu* [Towards the Liturgical Revival]. Moscow : Dukhovnaia biblioteka (in Russian).
2. Gerasim (D'yachkov), hegumen. (2012). "Protection Church in the village of Pokrovskoye-Lugovka". *Vremia i liudi*, 2012, n. 7, p. 4; n. 8, p. 4 (in Russian).
3. Dmitrievskii A. A. "Reading the Gospel on the first day of Easter in different languages". *Rukovodstvo dlia sel'skikh pastyrei*, 1885, n. 13, pp. 355–368.
4. Golubtsov Sergii, archpriest (2004). "Ecclesiastical Moscovia in 1935–1965". *Tserkovno-istoricheskii vestnik*, 2004, n. 11, pp. 4–71 (in Russian).
5. *Istoriia tserkovnykh bratstv v Rossii : Sbornik dokumentov : Khrestomatiia po istorii russkoi pravoslavnoi tserkvi* [History of Church Brotherhoods in Russia : Collection of Documents : A Reader on the History of the Russian Orthodox Church]. Moscow : SFI Publ., 2018 (in Russian).

6. Korf N. A. (1882). *Nashi pedagogicheskie voprosy* [Our pedagogical questions]. Moscow : Sotrudnik shkol A. K. Zalesskoi Publ. (in Russian).
7. Kravetskii A. G., Pletneva A. A. (2001). *Istoriia tserkovnoslavianskogo iazyka v Rossii (konets XIX–XX vv.)* [History of the Church Slavonic language in Russia (late 19th — 20th centuries)]. Moscow : Iazyki slavianskikh kul'tur (in Russian).
8. Peskovskii M. L. (1893). *Baron N. A. Korf, ego zhizn' i obshchestvennaia deiatel'nost' : Biograficheskii ocherk* [Baron N. A. Korf, his life and social activities : Biographical sketch]. St. Petersburg : P. P. Soikin Publ. (in Russian).
9. Shkarovsky M. V. (2010). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow : Veche : Lepta.
10. Sinitsyna O. V. "History and Christian Orthodox Bases in A. A. Shteven-Ershova's Educational Activity (1885–1895)". *Svet Khristov prosveshchaet vsekh : Al'manakh Sviato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta*, 2016, iss. 17, pp. 9–24 (in Russian).